

9/С)1 ЯР

1189 К

-29780-

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Тезисы докладов научной конференции

В. Д. Назаров

**РАССКАЗЫ ОБ ОТКРЫТИИ МОЩЕЙ
ЯРОСЛАВСКИХ КНЯЗЕЙ В ЛЕТОПИСИ XV В.**

1. В дореволюционной и современной исторической литературе события, связанные с обретением мощей великого кня-

зя Ярославского Федора Ростиславича и его сыновей, Давида и Константина, вызвали многочисленные ученые отклики. Во многом потому, что эти колоритные факты были зафиксированы в сравнительно многочисленных и притом разножанровых текстах. Поэтому к ним регулярно обращались историки гражданские и церковные, филологи, текстологи, летописеведы.

До сих пор не выявлена строго рукописная традиция как Жития кн. Федора в его различных редакциях, включая раннюю, проложную редакцию, так и Сказания или «Слова на пренесение мощей» ярославских князей, а также текстов их чудотворений. Отсюда заметная неопределенность в вопросах текстологических взаимосвязей, к примеру, летописных и внелетописных сочинений по интересующему нас сюжету и, соответственно, множественность гипотез в современных работах.

Наконец, расхождение ученых суждений проистекает из того, как понимают различные исследователи политический смысл и политический контекст описанных в источниках действий разных лиц. Начиная от ярославского великого князя Александра Федоровича и кончая ростовским протопопом или же московским дьяком. К сожалению, это понимание нередко принимало крайне упрощенную, примитивную форму.

В данной работе в качестве объекта анализа взяты соответствующие тексты летописных памятников XV в.

2. Четко выделяются три вида рассказов о событиях 1463 и 1464 г. Первый — официальный, великокняжеский — зафиксирован Московским сводом 1479 г. Поскольку главным его источником в завершающей части был свод 1477 г., постольку известие об обретении мощей кн. Федора с сыновьями под 1463 г. было отредактировано именно сводчиком 1477 г. Неодновременность известного нам текста с самим событием ясно видна из заключительных слов сообщения. Содержательно в известии для нас важны три момента. Само внесение известия в официальный свод однозначно свидетельствует о признании фактов чудотворения московскими церковными и светскими властями. Далее. В описании событий единственным действующим лицом показан архимандрит Христофор. Мотивы такого подчеркивания коренятся, в том числе, в процессах включения Ярославского княжества в состав Российского государства в 1466—1467 гг. и более позднее время. Судя по ряду косвенных указаний источников, роль

Христофора была заметной. Наконец, текст известия намеренно выведен из какого-либо сопряжения с политическими реалиями 60-х годов XV в. Именно это сообщение заимствовано в крупнейших сводах конца XV — середины XVI в. — Симеоновской, Вологодско-Пермской, Иоасафовской, Никонской и Воскресенской летописях.

3. Второй тип рассказа дошел до нас в составе Ермолинской летописи, Сокращенных сводов 90-х годов XV в. и ряда иных памятников. Установлено, что в разделах после 1417 г. и до начала 70-х гг. XV в. они восходят к одному летописному источнику, который по-разному определяется различными историками. Существенны два обстоятельства. Текстологический анализ показывает, что точнее и полнее текст источника сохранился в Ермолинской. В других памятниках налицо два варианта сокращения (один — в своде 1493 г. и ряде иных, другой — в своде 1495 г. и других летописях), однако их вторичность по отношению к более пространному рассказу общего источника несомненна. Из текста Ермолинской прямо видна одновременность разных упомянутых в нем событий и поздняя по отношению к 1463 г. обработка статьи в целом. Налицо по крайней мере три хронологических пласта, причем факты двух из них не связаны прямо с проявлением чудотворения ярославских князей. Последнее известие, точнее стиль его изложения, по нашему мнению, лишено сарказма или ироничности (приписываемых ему многими исследователями), оно вообще занимает автора во вторую или третью очередь. На первом плане у него события, связанные с ликвидацией самостоятельности Ярославского княжества, как бы разбитые на два последовательных этапа. Критическое — и ироническое — отношение здесь действительно выражено, но оно направлено на политику московского государя, а главное — на действия его представителей в Ярославле. В позиции автора не видно никаких мотивов местного порядка, ярославских или ростовских. Не видно, кстати, ростовских примет и в текстах летописного источника начала 70-х гг. за 50—60-е гг. вообще, особенно в сравнении с ростовским сводом 1489 г. В рассказах статьи 1463 г. совершенно отчетливы оппозиционные мотивы. В первом приближении их можно охарактеризовать как настроения, свойственные той части политической московской элиты, которая ходом борьбы в первые годы правления Ивана III была оттеснена от ведущих позиций. Были ли здесь какие-то специфические связи с

Ростовом или Ярославлем — остается неясным. В любом случае, начальная часть сообщения 1463 г. в Ермолинской, а также в ее источнике, свидетельствует о признании святости ярославских князей-чудотворцев Москвой уже к 1471—1472 г.

4. В Львовской и Софийской II налицо особое Сказание или «Слово на обретение мощей» ярославских князей. Этот текст второй редакции свода 1518 г. восходит, несомненно, к летописному источнику ок. 1489 г., который определен нами с Б. М. Клоссом как московский Успенский летописец. Указанный текст правильно разбит на две годовые статьи 1463 и 1467 гг. За вычетом в конце первого годового сообщения краткого перечня чудес от гроба князей известия относятся к собственно авторским разделам летописца. Об этом говорят стиль рассказа, живость и наглядность изложения, искусно построенный сюжет, многомерное описание поступков разных лиц, повышенное внимание к специфическим деталям священнической практики и т. п. Они находят параллели в других авторских местах Успенского летописца.

Предварительно сопоставление этого текста с текстом Сказания во внелетописной традиции показывает первичность Успенского летописца, о чем говорит и несомненная фактическая ошибка. Признание правильности такого вывода заставляет пересмотреть ряд важных положений в складывании местного и общерусского почитания ярославских князей-чудотворцев, в истории создания их Жития и «Слова на обретении мощей», ставшего на определенном этапе его частью.

5. Возникновение и развитие разножанровых текстов о ярославских князьях-чудотворцах отражает весьма важную тенденцию в процессе оформления и развития национальной конфессии в формирующемся Российском централизованном государстве — тенденцию ускоренного создания собственно обширного пантеона русских святых, в том числе князей-мучеников и князей-подвижников. Это направление деятельности было ярко выражено у митрополита Ионы и его младших сподвижников, занявших ведущие позиции в российской иерархии 60-х—80-х годов XV в. Имеем в виду митрополитов Феодосия, Филиппа и Геронтия, архиепископа Вассиана и некоторых других.